

УДК 811.161;81'373.611

UDC

DOI: 10.17223/18572685/61/12

ПОЛДЕНЬ, ПОЛНОЧЬ В АСПЕКТЕ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Т.С. Соколова¹, Г.Н. Старикова²

Томский государственный университет
Россия, 634055, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

² E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается номинативно-деривационный потенциал слов *полдень* и *полночь* в восточнославянских языках, который понимается как способность лексических единиц к продуцированию номинативных средств. Задачи исследования включали выявление состава обозначенной лексики и круга понятий, выражаемых ими, для древнерусской эпохи и современного периода. Всего к исследованию привлечено около 200 единиц номинации. Анализ показал, что восточнославянские языки значительно развили данные гнезда, при этом номинативно-деривационные возможности этих слов реализовались преимущественно в народной речи, породив в ней богатую синонимию лексических средств. Сравнение обнаружило несомненно большую мощность гнезда *полдень* по сравнению с *полночь*, большее формально-семантическое разнообразие его дериватов, что объясняется наличием у слова множества значений, обусловленных особой ролью светлого времени в жизни человека. Семантика исходных слов определила характер номинативных сфер, маркируемых производными единицами («Время», «Природа», «Человек»), отразивших накопленный социально-мировоззренческий опыт близкородственных народов, их тесную взаимосвязь. Структура и значение дериватов в разных языках обладают как общими, так и особенными чертами. Общность выражается одномоделностью образований и их синонимией (рус. *ополночь*, укр. *опівніч*, блр. *апоўначы*, русин. *опівнічъ*, *упувночи*), специфичность – их формальной и содержательной уникальностью: рус. *межполдень* 'южная сторона', *однополденок* 'светлое время суток', *полденок*

‘подойник’, укр. наречия *південніше*, *північніше*, блр. наименования мифологических существ, русин. *дополуднярь*, ‘пастух’, *упідполудне* ‘в первой половине дня’ и др. Все вместе они демонстрируют номинативно-деривационный потенциал наименований кульминационных моментов светлого и темного времени суток, развивавшийся в т. ч. под влиянием друг на друга близкородственных языков.

Ключевые слова: восточнославянские языки, номинация, словообразование, деривационный потенциал.

***POLDEN, POLNOCH* IN THE ASPECT OF NOMINATIVE DERIVATION (BASED ON MATERIAL FROM EASTERN SLAVIC LANGUAGES)**

T.S. Sokolova¹, G.N. Starikova²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

² E-mail: gstarikova@yandex.ru

Abstract

The article considers the nominative-derivational potential of the words *polden* and *polnoch* in the East Slavic languages. The nominative-derivational potential is understood as the ability of lexical units to produce nominative means. The objectives of the study include identifying the composition of the indicated vocabulary and the range of concepts they express for Old Rus and modern times. The analysis has involved about 200 units of nomination and showed that the East Slavic languages significantly developed these word families, with their nominative-derivational capabilities mainly realized in folk speech through rich lexical synonymy. The comparison has revealed a greater power of the word family *polden* compared to *polnoch*, as well as a greater formal-semantic variety of its derivatives, which is explained by its numerous meanings due to the special role of daylight in human life. The semantics of the source words determined the nature of the nominative spheres marked with derivative units (“Time”, “Nature”, “Man”), reflecting the accumulated socio-worldview experience of closely related peoples, their close relationship. The structure and meaning of derivatives in different languages have both common and special features. The commonness is expressed by the unimodel formations and their synonymy (Rus. *opolnoch*, Ukr. *opivnich*, Bls. *aponachy*, Rusin. *opivnich*, *upunochi*), specificity – by their formal and

/ meaningful uniqueness: Rus. *mezhpolden* 'south side', *odnopoldenok* 'light time of day', *poldenoshnik* 'milking bucket', Ukr. adverbs *pivdennishe*, *pivnichniche*, Blr. names of mythological creatures, Rusin. *dopoludnyar*, 'shepherd', *upidpoludne* 'in the first half of the day' and others. Together, they demonstrate the nominative-derivational potential of the names of the light and dark day time climax, which developed, *inter alia*, under the mutual influence of closely related languages.

Keywords: East Slavic languages, nomination, word formation, derivational potential.

Введение в проблему

Темпоральные оппозиции типа *зима – лето, утро – вечер* относятся к важнейшим в «сетке координат» мифопоэтической модели мира в рамках отдельных культур [32], определяемой как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [33: 161]. В частности, данное обстоятельство обуславливает неизменно высокий исследовательский интерес в славистике как к аксиологической сущности суток [31] и их частей [12; 13], так и к разноаспектным собственно лингвистическим описаниям данной лексики в сравнительно-сопоставительном плане [3; 8; 11; 34].

Объектом настоящего исследования стали обозначения кульминационных моментов дня и ночи (*полдень* и *полночь*) и их дериваты, образующие в восточнославянских языках гнезда однокорневых производных разной структуры. Предмет описания – номинативно-деривационные потенции исходных слов, реализованные в лексических единицах языков, формальное и семантическое сходство и различие дериватов, выявленные как в отношении состава и структуры гнезд, так и языков. Наиболее интересным представляется последний аспект, поскольку словообразовательная специфика языков, характеризующихся общностью способов и средств деривации в силу единства их формирования в праславянскую эпоху¹, не является явной и потому заслуживает специального изучения. Первым этапом исследования стало выявление круга обозначенной лексики и ее характеристика для древнерусской эпохи – начала письменной истории современных восточнославянских языков, вторым – описание номинативных единиц, восходящих к *полдень* и *полночь*, в современных близкородственных языках, заключительным – их сравнительный анализ. Материалом для него послужил ряд словарей (исторических и современных, включая диалектные) русского, белорусского, украинского и русинского языков, этнолингвистическая литература. Всего к исследованию привлечено около 200 единиц номинации.

Характеристика лексического материала древнерусского языка

Согласно данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», к началу письменного периода древневосточнославянский язык располагал наименованиями середины дня и ночи и определенным количеством их дериватов [24: 69–73; 25: 201–271]. Исходные для нашего материала единицы, в основе которых лежат о.с. **polъdъnъ* и **polъnoktъ*, являются композитами первой ступени словопроизводства от названий светлого и темного времени суток. Первый корень этих праформ реализовался в производных как *пол(ъ)*- (фонетически закономерная форма), *полу*- (грамматически закономерная форма из косвенных падежей для имени из склонения на *ъ) и *пла*- (церковнославянская форма, ср. болг. *пладне* 'полдень'; 'юг'), а корень *nokt*- для исконных слов имел вид *ноч*-, для заимствованных – *нощ*-. Этим фактом объясняется наличие в древнерусском языке формальных вариаций (семантических дублетов) для обозначения кульминационных точек дня (*полдень*, *полудень*, *пладень*) и ночи (*полночь*, *полнощ*, *полуночь*, *полунощ*, *паноощ*). Данные образования унаследовали от производящих полисемию, основанную на переносе наименования по смежности. Так, все перечисленные единицы имели в качестве основных по два значения: ^{1.} 'середина дня, полдень'; ^{2.} 'юг' (для первой группы) и ^{1.} 'середина ночи, полночь'; ^{2.} 'север' (для второй). Помимо общей для названных слов семантики, вершинные лексемы имели и другие значения (или их оттенки): *полдень* – ^{1а.} 'полуденный жар, зной'; ^{3.} 'половина дня, суток'; ^{3а.} 'половина дня как единица измерения расстояния' [25: 201–202]; *полночь* / *полуночь* – ^{3.} 'половина ночи как часть производственного цикла'; ^{4.} 'право на ловлю рыбы в течение одной полуночи и на улов, полученный за это время'; ^{5.} 'половинная часть пая в солеваренном производстве' [25: 227–228]. Дополнительные значения получают исходные единицы в форме мн. ч.: *полдни* ₃ – 'еда и отдых в полуденное время'², возможно, *полунощи* ₃ – 'время, близкое к полуночи, ночная пора'. В абсолютном большинстве случаев в последующем словопроизводстве участвовали лишь основные значения, что проявилось в полисемии отыменных производных трех групп первого шага деривации:

1. Прилагательные с семантикой ^{1.} 'полуденный', ^{2.} 'южный' (*полденный* _{1,2}, *полуденный* / *полудънный* _{1,2}, *пладенный* / *пладънный* _{1,2}, *полудневый* _{1,2}, *полудневный* _{1,2}) и ^{1.} 'полночный', ^{2.} 'северный' (*полуночный* _{1,2}, *полнощный* _{1,2}), причем у последнего отмечено еще значение 'северо-восточный' (*полунощный* ₃).

2. Существительные – абсолютные синонимы мотиваторов, результат вторичной номинации (*пладение* _{1,2}, *пладенья* _{1,2}, *пладнина* _{1,2},

*полудень*_{1,2}, *полудние*_{1,2}, *полуднина*_{1,2} – то же, что *полдень*_{1,2}; *полуночие*_{1,2}, *полунощие*_{1,2} – то же, что *полночь*_{1,2}); сюда же могут быть отнесены случаи плюрализации: *полдни* / *полудни*_{1,2} и *полунощи*_{3,4}. У одного из дериватов этой группы отмечен также дополнительный оттенок значения – ‘северные страны’ (*полунощие*₂₀).

3. Наречия, представленные падежными формами исходных слов (*полдне* / *полудне*: ₁ ‘в полдень’; ₂ ‘на юг’; *полуднем*: ₁ ‘на юге’; *полночи* / *полуночь*₆ / *полуночи* ‘в полночь’; *полунощи*: ₁ ‘в полночь’; ₂ ‘на севере, к северу’). Вместо ожидаемого ‘в полдень’ у наречия *полуднем*₂ словарем отмечено значение ‘в течение половины дня, за половину дня’, соотносимого с *день* [25: 202].

Явнее всего различия в гнездах демонстрирует глагольная часть производных, наличествующая только в *полдень*: *плад(ь)новати* ‘предаваться полуденному отдыху’, *полдневати* ₁ ‘делать остановку для еды и отдыха в полуденное время’; ₂ ‘полдничать, принимать еду в полуденное время’, а также *полдничати* и *полудновати* – в последнем из указанных значений. Они входят в ту же парадигму, что и предыдущие группы дериватов.

Ко второму шагу деривации в гнездах этого периода следует отнести случаи субстантивации прилагательных: *полденная*, ж. ‘южная сторона, юг’, *полунощные*, мн. ‘молитвы, читаемые во время полунощницы’. С адъективами соотносимы и несколько существительных второго гнезда: *полуночник* ₁ ‘север’, ₂ ‘северо-восток’; *полунощик* ‘север’; *полуночница* и *полунощница* ₁ ‘церковная служба, первоначально совершавшаяся в полночь, а позднее в любой час перед утреней или вместе с нею’; ₂ ‘текст такой службы’, хотя их структура (наличие суффиксов -ник- и -ниц-) позволяет также соотносить эти слова с исходными существительными, а *полунощница*₂ – еще и с названием ночных молитв, что может служить основанием для увеличения глубины гнезда до трех ступеней деривации уже к старорусскому периоду.

Многократная лексическая маркировка кульминационных моментов светлого и темного времени суток свидетельствует об их особой значимости для человека, чей образ жизни определялся движением основных небесных светил – Солнца и Луны. Данный факт обусловил сопряженность временных координат общего мироустройства с пространственными (стороны света) и социальными (виды деятельности). Большинство производных соотносимы непосредственно с исходными словами и имеют однотипный для обоих гнезд характер – как со стороны формы, так и содержания. При этом обнаруживается структурное однообразие дериватов, мотивированное типом производящих именных основ, не предполагающих присоединение целого ряда древних суффиксов, а также ограниченность номинатив-

ного пространства гнезд сферами «Время», «Природа», «Человек». Одновременно материал выявляет и определенную специфику в их маркировке, поскольку день – активное время, а ночь – время покоя (*работать – день коротать, отдыхать – ночь избивать; день в грехе, а ночь во сне*). Дериваты *полдень* номинируют преимущественно отдых как паузы в работе – с принятием пищи или без (*без отдыха и конь не скачет; старые отдыхают, когда лежат, а молодые – когда едят*), а *полночь* – трудовую деятельность, выпадающую из стандартной нормы работать днем, а также общение с Богом (*ловец да чернец и по ночам мало спит*).

Характеристика лексического материала современных восточнославянских языков

Современные восточнославянские языки во многом сохранили общее древнерусское наследство, о котором судить с наибольшей достоверностью позволяет прежде всего материал русского языка, наиболее доступный для настоящего исследования. Так, значение 'середина дня' передается рус. *полдень*, обл. *полденки*, *полдѣно*, *полдни*, *полдник*, *полдня* [21: 40–44], *половиндень* [21: 89], *полуденка*, *полудень*, *полуденье*, *полудни*, *полудник*, [21: 142–144], *полу-то-день* [21: 165], *пондли* [21: 253], *полдѣн*, *полудновка* [15: 133–134], блр. *поўдня* и *поўдзень* [18: 464], обл. *повдзѣнки*, *повдзенне*, *повдня* [16: 425], *полудзень*, *полудне* [16: 463], укр. *південь*¹ [29: 379] и *полудень*¹, обл. *полудне* и *полуднѣ* [30: 101], русин. *полудне* [5: 154; 10: 126], *повудне* [35: 116], *полунне* [14: 369], *полудень* [17: 200]. Соответственно, 'середина ночи' маркируется рус. *полночь*, обл. *полуночка* [21: 84], *полуночник*, [21: 155], *полыночь* [21: 177], фольк. *полночушка* и *полуночушка* [21: 84, 158], устар., поэт. *полуночь*, блр. *поўночы*, *поўнач* [18: 466], *полуночь* [16: 463], укр. *північ* [29: 383], редк. *полуніч*² [30: 103] и *опівніч*, [28: 711], устар. *полночь*, русин. *пувнуч* [10: 232], *опівніч* [5: 140].

Если наука определяет данные моменты суток с максимально высоким (полдень) и максимально низким положением солнца (полночь) над горизонтом как различающиеся во времени величины в системе часовых поясов³, в обыденном сознании с ними связаны не только официально закрепленные представления о конкретных точках на оси суточного цикла (12.00 и 00.00), но и расширение этих периодов при неопределенности их границ. Надо полагать, смещение таких представлений в сторону более позднего времени произошло под воздействием как языковых (влияние внутренних форм слов: половина светлого / темного времени), так и экстралингвистических факторов (человек стал позже ложиться спать и позже вставать, гра-

ницы дня и ночи как активного и пассивного времени сдвинулись). Эту мысль подтверждают обращения к интернет-сообществу типа: «Подскажите: когда, во сколько бывает ПОЛДЕНЬ (ПОЛНОЧЬ)? В 12.00, или в 13.00, или вообще в 14.00 (00.00, 01.00 или 02.00)?» (otvet.mail.ru). Данную же идею доказывает и лексический материал: помимо общего значения 'середина дня, полдень', некоторые из указанных выше слов могут выражать и другие значения. Например, *полдень*₂ – 'предвечернее время (после 3–4 часов дня)', *полдни*₄ – '3–4 часа дня', *полдёнки*₂ – 'время от полудня до вечера', *полдня*₁ – 'промежуток времени от 11–12 часов дня до 3–5 часов', *полудни*₂ – 'время после 12 часов' [21: 41–44, 144]⁴. Подобные разночтения в понимании границ этих периодов показывают и составные наименования: рус. *свиной* (*свининый, свинячий*) *полдень*, то же – в форме мн. ч. '9–10 часов утра, когда дают первый корм животным'; 'время после полудня'⁵, *глухой полдень / глухие полдни* 'тихий жаркий поздний полдень' [21: 41–42], укр. *глупа / глуха північ (ніч)* [26: 84–89], блр. *глухая поўнач* 'поздний час ночи'.

Что касается выражения названными словами семантики 'сторона света', современные восточнославянские языки обнаруживают достаточно яркое своеобразие. Так, в русинском языке данные значения в использованных в работе словарях не зафиксированы вообще, соответствующая семантика передается лексемами *юг* и *сівер*, от них же образованы *юга*: 'теплый ветер; зной, жар', *юговий* – 'южный; знойный, жаркий, жгучий', *югівець* – 'южанин', *югівський* – 'южнорусский' [17: 301], *сіверко* – 'северный ветер' [17: 236]. Для русского литературного языка значения 'юг' у *полдень* и 'север' у *полночь* являются устаревшими, хотя в народном типе языка большинство наименований середины светлого времени (*полдень*_{1з}, *полдён*_з, *полдник*_з, *полднище*_з, *половиндень*_з, *полуден*_з, *полуденник*_з, *полудень*_з, *полуденье*_з, *полудник*_з) и два наименования середины темного времени (*полночь*_з, *полуночь*_з) их имеют. Русским же говорам известны и другие «ориентирные» значения *полдень* – 'запад' и 'юго-западный ветер' [21: 42]. В украинском языке временные и пространственные значения подаются как омонимичные: *південь*¹ 'полдень' и *південь*² 'юг', *північ*¹ 'полночь' и *північ*² 'север', а для *полудень* и *полуни́ч* последние значения признаются редкими и архаичными. Как стремление к преодолению омонимии можно воспринять тяготение различных значений к разным прилагательным: 'полуденный' – это *полуденний, полудневий, полудній* [30: 100], а 'южный' – *південний* [29: 379], аналогично 'полночный' – *опівнічний, полуночний* (редко), 'северный' – *північний*. Похожая картина в белорусском языке, где 'полдень' и 'полночь' обозначаются многими лексемами (см. выше), а 'юг' и 'север' – *поўдзень* и *поўнач* соответ-

ственно, 'полуденный' – это, прежде всего, *паўдзённы*¹, а у *паўднёвы* это значение устаревшее. В отличие от украинского, в белорусских словарях нет единства в представлении этих единиц омонимами или полисемичными словами.

Таким образом, два представленных значения, возникнув еще в дописьменную эпоху, продолжают оставаться главными для восточнославянских языков. Если *полночь* остается одно- (русин.), трех- (блр.), четырех- (рус.), пятизначной (укр.) в этих языках, то *полдень* и некоторые его синонимы обладают более развитой семантикой, что объясняется отнесением светлого периода к активному, ежедневно наблюдаемому человеком времени. Прежде всего следует отметить, что современными языками поддержано у его названий значение 'прием пищи и / или отдых': рус. *полден*₉, *полдень*₃, блр. *полудзень*, укр. *полудень*¹ и *південь*¹, русин. *полудень* [17: 200], *полуденок* [5: 154]. Время этих действий также может варьироваться: рус. *полден*₉, *полдень*₉ – 'еда между обедом и ужином', *полдёнки*₃ – 'еда и отдых в полдень', *полдень*₁₁ – 'завтрак', *полдник*₂ – 'полуденный отдых, обед', блр. *полудзень*₁ – 'обед', а *полудзень*₃ – 'полдник' (*падвячорак*), укр. *полудень*₅ – это 'прием пищи в полдень или между обедом и ужином' [30: 101]. Русин. *полуннувати* [14: 369], *полуденковати*, *полудновати* – 'обедать' [10: 126], но для последнего глагола также отмечается значение 'полдничать' [17: 200]. В словаре И. Керчи данное значение передает глаголом *ловранковати* (обл. *жовранковати*) [9: 479], соотносимым с схв. *lōvra* – 'ужин косарей; полдник', *ловрати* – 'принимать пищу на косовице', сближенного с *ранок* 'утро': от венг. *lórant*, восходящего, в свою очередь, через словацкий к нем. *Halberabend* 'половинный вечер' [6: 278], что показывает уникальность лексической системы русинского языка, теснее других восточнославянских связанного с указанными языками. Заметим попутно, что диалектный материал показывает и обратный путь развития значений: так, у слова *обед*, помимо общерусских, возможны значения 'завтрак', 'полдень', 'рабочее время от отдыха до отдыха', 'юг', а *обеденник* и *обедник* – это 'юго-восток // юг' и 'юго-восточный ветер', *обедничный* – 'южный', *обеде* / *очник* – 'молоко полуденного удоя' [20: 25–28] – еще одно свидетельство связи времени, пространства и социального бытия.

В данной сопряженности основой для развития многозначности выступает темпоральная семантика. Например, линейное представление времени явилось предпосылкой для развития у *полдень* поэтического значения 'середина жизненного пути, конец молодости', что, кстати, ситуативно может выражаться и лексемой *полночь*, ср.: *С вечера девка, со полуночи молодка, а по заре хозяйшшка*. Это делает понятными значения дериватов *полуденка*₃, *полуденица*₃, *полудённая телка* 'телка

по второму году', *полуденник*₃, *полудёнок*₄ 'годовалый теленок // бычок по второму году', а также *полдневать*, *полудновать* 'жить последние минуты перед смертью, едва держаться, существовать' [21: 142–145]. Направление развития семантики у исходных слов представлены на схемах 1 и 2.

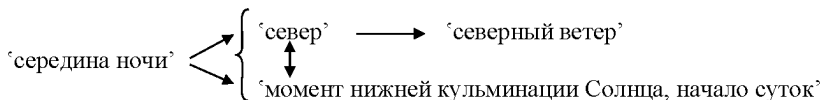

Схема 1

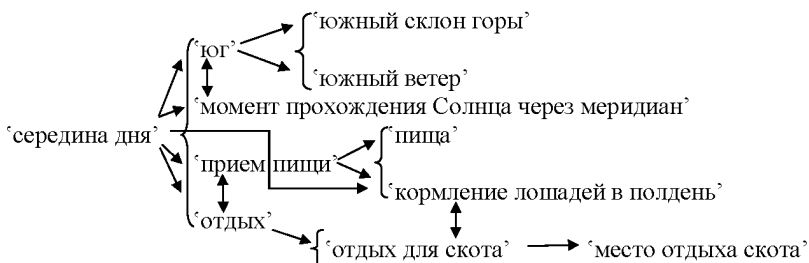

Схема 2

Из всех значений *полночь* и *полдень* активнее всего в формальной (словообразовательной и синтаксической) деривации участвуют первые, прямые, ЛСВ – они образуют слова четырех знаменательных частей речи во всех языках: существительные, прилагательные, глаголы и наречия (см. ниже), на их же основе преимущественно происходит развитие полисемии. От второго значения, которое, напоминаем, отсутствует в русинском, – только именные части речи, а в белорусском и украинском – еще и адвербиальная лексика: *па-паўднёваму* – *по-південному* 'по-южному', *па-паўночнаму* – *по-північному* 'по-северному', а также *південніше* 'в направлении к югу, южнее' и *північніше* 'к северу, севернее' (укр.). С третьим значением наименования светлого периода – 'прием пищи и / или отдых' – связано образование лишь существительных и глаголов с той же общей семантикой. С «мерным» значением исходного для *полдень* слова можно соотнести, причем опосредованно, рус. *полдён*₃ 'половина дня', *полднище* 'путь, который может быть преодолен за полдня', *полдень*₅ 'время между перерывами в работе', близки к нему и названия домашних животных второго года жизни.

Производные обоих СГ в определенной части своих составов представлены однотипными образованиями (рус. *полуденник* 'южный

ветер' и *полуночник* 'северный ветер', блр. *апоўдні* и *апоўначы*, укр. *опівденний* и *опівнічний*, русин. *уполудне* и *упувночи*), в другой – разнотипными, что связано с особенностями семантики вершинных слов. К числу последних могут быть отнесены рус. *полночушка*, 'ласк. к *полночь*', укр. *полуднання* 'прием пищи', бел. *палуднаваць*, русин. *полуденковати* 'обедать'. Деривационный инвентарь языков также частично совпадает, однако материал русского языка отражает более широкий его репертуар – ср., напр., набор суффиксов, образующих существительные: *-нік*, *-ніц-а*, *-нн-е*, *-(а)к* (блр.), *-ок*, *-ець*, *-анин*, *-к*, *-нн-е* (укр.), *-арь*, *-ок*, *-ик* (русин.) и *-ок/-ек*, *-ик/-ик-(а)*, *-к*; *-ник*, *-як*, *-ниц*; *-иц*; *-ёх*; *-юх*; *-ніј*; *-ј*; *-ость*, *-ушк* (рус.), причем большинство из них входят лишь в производные гнезда *полдень*. При разной мощности – как в отношении разновременных СГ одного языка, так и одноврешинных разных языков – гнезда характеризуются одинаковой максимальной глубиной в три деривационных шага. Примеры трехступенчатых словообразовательных цепочек: рус. *полдень* – *полдник* – *полдничать* – *полдничанье*; укр. *північ*¹ – *опівніч* / *опівночі* – *опівнічник* – *опівнічниця*; бел. *палудзень* – *палуднік* – *палудніковаць* – *папалудніковаць* / *перепалудніковаць*; русин. *полудне* – *полудновати* – *наполудновати* – *наполудновати(ся)*. Дериваты при этом могут быть связаны с исходными словами непосредственными или опосредованными мотивационными связями, как и в случае с семантической деривацией, что было показано на схемах 1 и 2. Например, *однополднёнок* 'время от утра до вечера; день' может быть производным как слова *полдень*, так и *полдёнка* или *полденки*, а *полуночник* 'ночная церковная служба у старообрядцев' может быть выведен не только из *пол(у)ночь*, но и *пол(у)ночный*.

Ярче всего своеобразие гнезд отражает семантика их единиц. Как уже отмечалось, данные производные маркируют три понятийные (иначе – номинативные) сферы, названные «Время», «Природа» и «Человек», пересекающиеся друг с другом, почему границы между ними носят условный характер. Так, первую репрезентирует адвербиальная, субстантивная и адъективная лексика. В группе наречий (и наречных конструкций) представлены единицы с общей семантикой: 1) 'в период, обозначенный мотивирующим словом': рус. *ополдни*, *полдёнком*, *уполдня* [23: 271] – *ополночь*, блр. *апаўдні*, *апоўдні*, *у поўдзень* – *апоўначы*, укр. *опівдні*, *опівдня* – *опівніч*, *опівночі*, *ополуночі* (редк.) [28: 721], русин. *уполудне*, *наполудне* [10: 126], *вполунне* / *уполунне* [14: 88 / 479] – *упувночи* [14: 502]; 2) 'накануне периода, обозначенного мотивирующим словом': блр. *час да паўдня*, *перад паўднём* [18: 464], русин. *упідополудне*, *піт полудне* [5: 192, 154], *дополудне* – *допувночи* [9: 240]; 3) 'после периода, обозначенного мотивирующим словом':

рус. *полуполдни* – *полуночи*, блр. *папайдні, пасля паўдня* [18: 476], *заповдня* [16: 180], укр. *пополудні* [30: 218] – *запівніч* [27: 258], русин. *пополудне, пополудню* – *попувночи* [10: 137–140], с *полудне* – *по опівночі* [5: 140, 154].

Существительные включают наименования с общим значением 'время, период': рус. *полуде / ённик, полудновка* 'полуденная пора', *полденки* 'время от полудня до вечера', *полуночка, полуночник*, 'полночь, ночное время' [21: 155], укр. *пополудень* 'время после полдня' [30: 218], блр. *повдзёнкі* 'время от зари до полудня' [16: 425], русин. *опівніч* 'время с 12 до 1 часу ночи' [5: 140], *дополудне* 'первая половина дня', *пополудне* 'вторая половина дня'. Включение в толкование подобных слов качественных характеристик периода сближает группу с номинативной сферой «Природа» – *полднёвка*₁ 'летний жаркий полдень'. Связь прилагательных со значением 'относящийся к периоду, обозначенному мотивирующим словом' с другими сферами тоже очевидна, т. к. полуденным или полуночным может быть не только время, но и работа, натурфакты. Сюда относятся слова: рус. *полдённый, полдённышний, полдневный*₁, *полдневой*₂, *полднешний, полдний, полуденный*₃, *пол(у)ночный*₁, укр. *опівденний, опівднішний, полуденний, полудневий, полудній, пополудній, пополудневий, північний*₁, *полуночний, запівнічний*, блр. *палудзенны, полуднёвы* [16: 463], *паўночны*, русин. *дополуднёвы, полуднёвы, пополуднёвы, пувночный*.

Сфера «Природа» включает те же части речи, но наиболее представительной здесь является субстантивная группа. К ней относятся, во-первых, названия юга (рус. *полдник*₅, *половиндень*₆, *полудень*₃ и др., укр. *південь*₂, блр. *поўдзень*₂), севера (рус. *пол(у)ночь*₃, укр. *північ*₂, блр. *поўнач*₂) и других частей света (рус. *полдень*₁₆ 'запад', *полуночник*₃ 'северо-восток'). От этой подгруппы образованы соответствующие ей семантикой наречия (блр. *па-паўночнаму*, укр. *по-південному, північніше*) и прилагательные – практически все указанные при описании предыдущей номинативной сферы адъективы имеют вторым-третьим «ориентирные» значения 'южный' / 'северный', дополненные 'западный' у *полуденный*₆ и 'северо-восточный' у *подполуночный*.

С данной подгруппой тематически сближены наименования природных явлений, включающие:

а) названия движения масс воздуха или воды – прежде всего ветров (*полден*₈, *полуден*₃, *полде / ённик*₁, *приполдень* 'южный ветер', *полуденка*₂₀ 'суховей', *полдень*₁₆, *полудник*₆₀ 'юго-западный ветер', *полднюха, полдняк* 'теплый юго-западный ветер', *полуденник*₄ 'юго-западный / юго-восточный / теплый / попутный ветер', *полде / ённица*₁ 'южный или юго-восточный ветер', *полночь*₄ 'северный ветер', *полуночник*₄ 'северный / северо-восточный / северо-западный ветер', *полуденная*

верховка 'северо-восточный ветер', а также *полудёна*₂ 'ненастье, идущее с юга', *полуночица*₆ 'уровень воды на море в полночь, ночью', *полуночное течение* 'холодное морское течение с юга на север, к берегу', *полуденка*₃ 'речка, текущая на юг' (рус.);

б) наименования астрономических явлений: рус. *заря-полуденница* 'утренняя заря', *Полуночица*₃, *Полночная звезда* 'Полярная звезда', *Полуночица*₄, *Полуночная ж.*, а также *Полуночная заря* и блр. *Паўночная зорка* 'планета Венера', *паўночнае ззянне* и укр. *Північне сяйво* 'северное сияние', укр. *південник* (устар.) и русин. *полудник* 'меридиан' [10: 126].

Еще одно лексическое объединение – название растений и животных разного вида. Так, флористическую подгруппу составляют: рус. *полдёнйшек* 'купальница', *полуденка*₇, *полудник*₇, 'лапчатка прямая', *полуденник* со значениями 'цикорий дикий', 'кормовое растение типчак', 'растение и ягода княженики', *полудника* 'земляника', *полуночный цвет* 'растение семейства бобовых', *полуношник* 'растение семейства зонтичных', блр. *паўночнік* 'короставник полевой' (используется при лечении разных кожных заболеваний, зуде), укр. *полуночник* 'скорзонера, зміячка, *Scorzonera* L. козелец, черная ножка. Сорняк, который может культивироваться как овощное или медицинское растение' [7: 505]. Подобных единиц в языке русинов обнаружить не удалось, хотя исследовательницей И.В. Горофянюк отмечалось, что темпоральные характеристики используются ими в наименовании растений в 4,3% случаев [4: 101]. Представителей фауны, проявляющих себя в эти периоды, немного: рус. *полуночник*₈ 'зверь, который охотится только ночью', ⁹ 'ночная насекомоядная птица козодой', ¹⁰ 'летучая мышь'; *полуночица*₇ 'козодой', ⁸ 'летучая мышь'; *полднёвка*₄ 'насекомое-однодневка, эфемерида', укр. *полуденник* 'вид мухи-журчалки с яркой расцветкой'.

Номинативная сфера «Человек» представлена существительными и глаголами, прилагательными – только в составе фразеологизированных сочетаний. Ими обозначаются субъекты периодов или пространств, их действия, результаты, место, объекты деятельности. Так, агентивная лексика – это названия людей и мифологических персонифицированных существ. Первую подгруппу составляют названия жителей юга (блр. *палудзеннік*, *палудзенніца*, укр. *південець*, *південка*, *південці*) и севера (блр. *паўночнік*, *паўночніца*, укр. *північанин*, *північанка*, *північани*), а также имена тех, кто проявляет активность в полуденное и полуночное время: рус. *полудница*_{1,2,5} 'неопрятная, ленивая женщина'; 'женщина, любящая ходить по чужим домам в дневное (рабочее) время', 'бранное слово (по отношению к женщине)' [21: 144], *полуночник*, *полуночица* – 'ребенок, который плачет по

ночам'; 'тот, кто поздно ложится спать', то же – рус. *полуночный*, м., укр. *опівнічник, опівнічниця* и блр. *паўночнік, паўночніца*. В этом ряду особняком стоит русин. *дополуднярь* 'пастух, який пасе вівці у першій половині дня' [5: 61] как не имеющее отрицательных коннотаций.

Кульминационные моменты суток представлялись древним русичам опасным временем с массой запретов и предписаний, когда жизнь людей должна была замирать, а разного рода мифические существа начинали проявлять активность [12: 131; 13: 142; 31: 215]. Это породило большое количество наименований потусторонних сил от названий этих периодов, среди них рус. *полднейвой*, м. 'дух, обитающий в воде, болотах', *полуденный*, м. 'нечистая сила, черт', *полуденный домовый* 'действующий в полдень', *полудница*₄ – мифическое существо (*русалка*; *полевница* в виде молодой женщины, прижигающей колосья раскаленной сковородой; *огородница* в образе старой, в лохмотьях женщины), *полуночник*₁₄ 'домовой, который в полночь обходит всю деревню и возится по задворкам', *полуночница*, *полуночная баба* 'злой дух, беспокоящий детей; вызывающий судорожный кашель у людей, (обычно по ночам). Значительная часть из них, имея широкие ареалы, известна большинству славянских языков, но их значение может варьироваться на разных территориях. Так, *полудницы* в Сибири – это старухи, живущие в бане или в кустах крапивы, оберегающие огороды от набегов детей, на Русском Севере – это молодая женщина / девушка, охранительница ржаных полей [19: 88], в Полесье она живет в лесах и сбивает путников с дороги [12: 132] и т. д. Использованные источники позволили также выявить блр. *паўдённик* 'тот, кто утаскивает купающихся в полдень', *полудзенник* 'черный человек из покойников', *паўдзённы бес* 'тот, кто показывается на кладбище в образе умершего родственника, пугает людей', *паўночнікі* 'ночные демоны, проявляющие себя дикими криками, свистом и ревом' [12: 132; 13: 145].

Одним из зол, насылаемых этими существами на людей, являются болезни, которые получают названия по времени их проявления или имени «нежити» – агента, инициатора подобных состояний человека. Так, в «Словаре русских народных говоров» зафиксированы *полуденник* 'солнечный удар', *полуночники* 'ночная ломота, костолом от дурной болезни', *полуночный лихач* 'болезнь, насылаемая злым духом', *полуночник* 'детская болезнь, сопровождающаяся зудом и ростом щетинистых волосков по позвоночнику'; 'припадки у детей по ночам', *полуденна(я), ж., полуночна, ж.*, 'олицетворение бессонницы', *полуношница* 'бессонница'; 'продолжительный судорожный кашель' [21: 142–157]. Как следует из материала, чаще это болезненное состояние детей, вызванное нарушением сна. Т.А. Агапкина, рассматривая сюжетику восточнославянских заговоров от бессонницы,

общего беспокойства, плача детей, дополняет список таких названий: «писки да верески, ночной воп да дневной рык» (рус.), «крыксы-вярыксы начныя і палуначныя, дзяныя і палудзяныя» (бел.), «чи криксы, чи плаксы, чи зиксы, чи ворексы, чи ношниці, чи полуношниці, чи бабиці» (укр.) [1: 19]. Ее работа включает и большое количество русинских источников (см.: Я. Балагур, П.Г. Богатырев, А. Онишук, В. Шухевич и др.), которые отнесены автором к украинским текстам [1: 115–123]. Так, в русинский материал могут быть включены, например, *крички* (33), *деннии денници, ночнии ночници, денная денница-полуденница* (13). Среди восточнославянских наименований бессонницы, восходящих к *полночь* и *полдень*, встречаются также: *полуношник, полуношница / полуночныцы / полунішныці, стрепетуха-полуношница, ноченько-полуноченько / ноченка-полуноченка, полуденница, дневная (утренна / полуденна) полуношница* и др., свидетельствующие о восприятии обоих периодов как опасных для человека [1: 13–14]. В текстах заговоров эти болезненные состояния могут также выступать в образах неких природных явлений, проявляющихся свечением неба, типа *заря-полуношница*, что дополняет одну из зон сферы «Природа»⁶.

Семантика 'действие, деятельность периода' выражается субстантивной и глагольной лексикой. В первой группе: рус. *полудёнок*₃ 'лов рыбы в полдень', *полдень*₁₀ 'кормление лошадей в полдень', рус. *полуночник*₇ и русин. *полуношница* 'полуночное богослужение' [10: 126], причем наиболее частотной оказывается маркировка приема пищи и отдыха, перерыва в работе (рус. *ополдень*₁, *полдничанье, полдня*₃, *полуденье, полудни, полудновик, полуднок, полудность* и др., укр. *полуднання, полуднування* [30: 101], русин. *полуденок, блр. палуднаванне* 'прием пищи; обед', *полудник* 'полдник, перекус' [16: 470] и др.). В СГ *полночь* по одному глаголу в двух языках с общим значением 'поздно ложиться спать, быть полуношником': рус. *полуношничать*, блр. *паўночнічаць*, в СГ *полдень* они наличествуют во всех языках и в большем числе, хотя значения однотипные: рус. *пол(у)дничать пол(у)дновать / пополудновать, полудна / ять, пондлевать* 'принимать пищу: обедать / полдничать / завтракать // отдыхать', а также блр. *палуднаваць / папалудноваць* 'обедать', *полудниковаць / пополудниковаць / переполудниковаць* 'полдничать'; 'отдыхать в полуденное время' [16: 470], укр. *полуднати / дополуднати, полуднувати / дополуднувати* 'принимать пищу между обедом и ужином, полдничать', русин. *полудновати / напалудновати / пополудновати, полуденковати* [10: 126], *полунувати* [14: 369] 'обедать'. В этом ряду выделяется рус. *полдневать, полудновать* 'умирать, лежать на смертном одре' [21: 145].

Остальные группы в данной номинативной сфере малочисленны. В их числе лексика с обозначением места – это единицы с семантикой

‘место препровождения времени’ (рус. *полдень*₁₂ ‘место полуденного отдыха, водопоя скота и дойки коров’, то же – *полдневище*₁, *полднева*, *полудни*₄) и ‘место пребывания, существования’ (рус. *полднева*, *полдень*₁₄, *полдничек* ‘южный склон горы’, блр. *Поўнач* ‘Север, северная местность’ – *народы Поўначы*, укр. *Крайня Північ* ‘Крайний Север’). Еще одна подгруппа – названия домашних животных – объект ухода, заботы людей: рус. *полднёха* ‘корова, отелившаяся в полдень’, наименования скота второго года жизни (см. выше). Последнее объединение представляет продукты деятельности периода / для периода. Так, наиболее последовательно в языках маркируется еда как результат метонимического переноса с названий приема пищи, которые уже описаны (см.), а также ‘подойник’ (*полденка*₂, *пол(у)денница*₂, *полднёвка*₃, *полуденка*₄), ‘молоко полуденного удоя’ (*полденник*₂, *полденошник*), ‘огородное пугало’ (*полудница*₃).

Заключение

Таким образом, будучи наследниками древнерусского языка, современные восточнославянские языки существенным образом развили данные гнезда в количественном и содержательном аспектах. Сравнение обнаруживает в них несомненно большую мощность гнезда *полдень* по сравнению с *полночь*, что объясняется наличием у слова множества значений, обусловленных в свою очередь особой ролью светлого времени в жизни человека. Свой вклад в развитие первого СГ внесли и многочисленные глаголы в его составе, обладающие наивысшей словообразовательной активностью из грамматических классов, тогда как во втором эта часть речи представлена единично.

Деривационные потенции вершин СГ явнее всего показывают количественный состав гнезд в русском языке, наиболее полно описанный в лексикографических источниках Нового и Новейшего времени. Они же продемонстрировали, что номинативно-словообразующие возможности этих слов реализовались преимущественно в народной речи, породив в ней богатую синонимию лексических средств. Семантика исходных слов определила характер номинативных сфер, маркируемых производными единицами («Время», «Природа», «Человек»), отразивших накопленный социально-мировоззренческий опыт близкородственных народов, их тесную взаимосвязь.

Структура и значение дериватов в разных языках обладают как общими, так и особенными чертами. Они выражаются одно- (рус. *ополночь*, укр. *опівніч*, блр. *апоўначы*, русин. *опівнічъ*, *упувночи*) или разномодельностью (укр. *південець*, бел. *поўдзеньнік*; рус. *южанин*, русин. *югівець*) образований, различной степенью проработанности отдельных сфер номинации. К уникальным дериватам с формаль-

ной и содержательной стороны этих близкородственных языков относятся, например, рус. *межполдень* 'южная сторона', *однополденок* 'светлое время суток', многочисленные названия подойника и молока полуденного удоя и др., укр. наречия *південніше* 'южнее', *північніше* 'севернее', блр. наименования «нежити», русин. *дополуднярь* 'пастух', *упідполудне* 'около полудня' и проч.

Все производные демонстрируют номинативно-деривационный потенциал наименований кульминационных моментов светлого и темного времени суток, развивавшийся, в т. ч. под влиянием друг на друга близкородственных языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Славянские языки в области словообразования обнаруживают ярче всего единство как способов словообразования, так и словообразовательных средств, унаследованных из праславянской эпохи» [2: 41].

2. Так, в [25: 202] Л.В. Вяткина приводит значение 'обед, обеденный прием пищи' для формы ед. ч. [3: 36].

3. См., напр., астрономические понятия: рус. *истинный / средний полдень*, блр. *сапраўдны / сярэдні поўдзень* [18: 464], укр. *справжня північ¹ / полуніч¹* [30: 103].

4. Подобную картину можно наблюдать и с другими словами: так, среди значений слова *уденье* встречаются *полдень*; время после полудня; время пригона коров с поля на отдых (обычно с 12 до 15 часов) [22: 292].

5. На их основе образован ряд фразеологизмов: *знать свиные полдни* – 'быть взрослым, искушенным в чем-л.'; *не знать свиных полдней* – 'ничего не смыслить в жизни, не иметь никакого жизненного опыта'; *справлять свиные полдни* – 'слишком поздно (после полудня) делать то, что обычно делают рано утром' [22: 292].

6. По мнению Т.А. Агапкиной, в следующем фрагменте белорусского заговора перечень болезней переходит в перечень зорь, которых призывают забрать недуг от ребенка: «Забяры с мае Мані крыкі, зыкі, начніцы, полуначніцы, начныя-палуначныя, вячэрнія-палувячэрнія, дзяняшнія-палудзяняшнія» [1: 15].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр. – белорусский язык; болг. – болгарский язык; венг. – венгерский язык; ласк. – ласкательное; м. – мужской род; мн. ч. – множественное число; нем. – немецкий язык; о.-с. – общеславянский язык; обл. – областное; поэт. – поэтическое; рус. – русский язык; русин. – русинский

язык; схв. – сербохорватский язык; укр. – украинский язык; устар. – устаревшее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агапкина Т.А.* Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте. 1. Детская бессонница и крик; 2. Заговоры от кровотечения и раны // *Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста.* М., 2006. С. 10–123.

2. *Вендина Т.И.* Словообразовательные особенности восточнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками) // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* 1982. М.: Наука, 1985. Вып. 16. С. 41–67.

3. *Вялкина Л.В.* Об одной лексико-семантической группе в славянских языках (слова, обозначающие временные отрезки, связанные с принятием пищи) // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* 1973. М.: Наука, 1975. Вып. 7. С. 29–42.

4. *Горофяннюк И.В.* Народные названия растений как фрагмент языковой картины мира русинов // *Русин.* 2018. № 2 (52). С. 89–106. DOI: 10.17223/18572685/52/7

5. *Гуцульські говірки. Короткий словник / Від. ред. Я. Закревська.* Львів, 1997. 232 с.

6. *Етимологічний словник української мови: в 7 т.* Київ: Наукова думка, 1989. Т. 3. 549 с.

7. *Етимологічний словник української мови: в 7 т.* Київ: Наукова думка, 2003. Т. 4. 656 с.

8. *Ивашина Н.* Некоторые аспекты категоризации временных понятий в славянских языках // *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské University studia minora facultatis philosophicae universitatis Brunensis A 56.* 2008. LINGUISTICA BRUNENSIA. С. 59–75.

9. *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.

10. *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.

11. *Крыга Т.И.* Лексика с семантикой времени в разных лингвокультурах и ее отражение в ассоциативных словарях // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2009. № 2 (24). С. 399–403.

12. *Левкиевская Е.Е.* Полдень // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого.* М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 131–133.

13. *Левкиевская Е.Е.* Полночь // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого.* М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 142–145.

14. *Матіїв М.Д.* Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь: Ната, 2013. 602 с.

15. *Моисеев Б.А.* Оренбургский областной словарь. 5 698 слов и словосочетаний. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 192 с.

16. Носович И.И. Словарь белорусского наречия / Сост. И.И. Носовичем. СПб., 1870. 756 с.
17. Піскунов Ф. Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка. 2-е изд., доп. Киев: тип. Е.А. Федорова, 1882. 304 с.
18. Русско-белорусский словарь. Около 86 000 слов. / Под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 789 с.
19. Славянская мифология: словарь-справочник / Сост. Л.М. Вагурина. М.: Лиор & Совершенство, 1998. 320 с.
20. Словарь русских народных говоров. М.: [б. и.]; Л.: Наука, 1987. Вып. 22. 368 с.
21. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2003. Вып. 29. 346 с.
22. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2013. Вып. 46. 349 с.
23. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2014. Вып. 47. 352 с.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1989. Вып. 15. 288 с.
25. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. Вып. 16. 295 с.
26. Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1971. Т. 2. 550 с.
27. Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1972. Т. 3. 744 с.
28. Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1974. Т. 5. 840 с.
29. Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1975. Т. 6. 832 с.
30. Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1976. Т. 7. 723 с.
31. Толстая С.М. Сутки // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 212–218.
32. Толстой Н.И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый–левый, мужской–женский // Языки культуры и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987. С. 169–183.
33. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 161–166.
34. Топоров В.Н. Ночь и день: их противостояние и их взаимная тяга // Исследования по этимологии и семантике. М., 2006. С. 166–197.
35. Mali rječnik lemkivskog govora ukrajinskog jezika // Ur. Pavlešin A. Zagreb: Društvo za ukrajinsku kulturu, 2007. 290 s.

REFERENCES

1. Agapkina, T.A. (2006) Syuzhetika vostochnoslavjanskikh zagovorov v сопоставител'nom аспекте [The plot of the Eastern Slavic conspiracies in the comparative aspect]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slavyanskij i balkanskij fol'klor. Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan Folklore. Semantics and Pragmatics of the Text]. Moscow: Indrik. pp. 10–123.
2. Vendina, T.I. (1985) Slovoobrazovatel'nye osobennosti vostochnoslavjanskikh yazykov (v sravnenii s drugimi slavyanskimi yazykami) [Word-formation specificity of East Slavic languages (in comparison with other Slavic languages)]. In: Ivanov, V.V. (ed.) *Obshcheslavyanskij lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya* [General Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research]. Vol. 16. Moscow: Nauka. pp. 41–67.

3. Vyalkina, L.V. (1975) Ob odnoy leksiko-semanticheskoy grupe v slavyanskikh yazykakh (slova, oboznachayushchie vremennye otrezki, svyazannye s prinyatiem pishchi) [About one lexico-semantic group in Slavic languages (words denoting time associated with eating)]. In: Avanesov, R.I. (ed.) *Obshcheslavyanskii lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya* [General Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research]. Vol. 7. Moscow: Nauka. pp. 29–42 [
4. Gorofyanyuk, I.V. (2018) Folk names of plants as a fragment of the Rusin language picture of the world. *Rusin*. 2(52). pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/7
5. Zakrevska, Ya. (1997) *Gutsul'ski govorki. Korotkiy slovník* [Hutsul dialects. Concise Dictionary]. Lvov: NAS of Ukraine.
6. Melnichuk, O.S. (ed.) (1989) *Etimologichnyi slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.
7. Melnichuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologichnyi slovník ukraïnskoï movi: v 7 t.* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.
8. Ivashina, N. (2008) Nekotorye aspekty kategorizatsii vremennykh ponyatiy v slavyanskikh yazykakh [Some aspects of the categorization of temporal concepts in Slavic languages]. *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské University studia minora facultatis philosophicae universitatis Brunensis A 56 – LINGUISTICA BRUNENSIA*. 56. pp. 59–75.
9. Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PolyPrint.
10. Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PolyPrint.
11. Kryga, T.I. (2009) Time semantics vocabulary in associative dictionaries and different linguistic cultures. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2(24). pp. 399–403. (In Russian).
12. Levkievskaya, E.E. (2009a) Polden'. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskíe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 131–133.
13. Levkievskaya, E.E. (2009b) Polnoch'. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskíe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 142–145.
14. Matiiv, M.D. (2013) *Slovník govirok tseñtral'noi Boykivshchini* [Dictionary of Central Boykivshchyna dialects]. Kiev; Simferopol: Nata.
15. Moiseev, B.A. (2010) *Orenburgskiy oblastnoy slovar'* [Orenburg Regional Dictionary]. Orenburg: Ministry of Education and Science Federation, Orenburg State Pedagogical University.
16. Nosovich, I.I. (1870) *Slovar' belorusskogo narechiya* [Dictionary of Belarusian Dialect]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
17. Piskunov, F. (1882) *Malorossiysko-chervonorusskiy slovar' zhivogo i aktovogo yazyka* [Little-Russian – Red Ruthenian Dictionary of Live and Act Language]. 2nd ed. Kiev: E.A. Fedorov.

18. Kolas, Ja., Krapiva, K. & Glebka, P. (eds) (1953) *Russko-belorusskiy Slovar'* [Russian-Belarusian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

19. Vagurina, L.M. (1998) *Slavyanskaya mifologiya. Slovar'-spravochnik* [Slavic Mythology. Reference Dictionary]. Moscow: Linor & Sovershenstvo.

20. Filin, F.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 22. Moscow; Leningrad: Nauka.

21. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2003) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 29. St. Petersburg: Nauka.

22. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2013) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 46. St. Petersburg: Nauka.

23. Myznikov, S.A. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 47. St. Petersburg: Nauka.

24. Filin, F.P. (ed.) (1989) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 15. Moscow: Nauka.

25. Filin, F.P. (ed.) (1990) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 16. Moscow: Nauka.

26. Bilodid, I.K. (ed.) (1971) *Slovník ukraíns'koí movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 2. Kiev: Naukova dumka.

27. Bilodid, I.K. (ed.) (1973) *Slovník ukraíns'koí movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 3. Kiev: Naukova dumka.

28. Bilodid, I.K. (ed.) (1974) *Slovník ukraíns'koí movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 5. Kiev: Naukova dumka.

29. Bilodid, I.K. (ed.) (1975) *Slovník ukraíns'koí movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 6. Kiev: Naukova dumka.

30. Bilodid, I.K. (ed.) (1976) *Slovník ukraíns'koí movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 7. Kiev: Naukova dumka.

31. Tolstaya, S.M. (2009) *Slavyanskíe drevnosti: Etnolingvísticheskiy slovar'. V 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary. In 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 212–218.

32. Tolstoy, N.I. (1987) O prirode svyazey binarnykh protivopostavleniy tipa pravyy-levyy, muzhskoy-zhenskiy [On the nature of the connections in binary oppositions of the right-left, male-female type]. In: Uspensky, B.A. (ed.) *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of Culture and Problems of Translatability]. Moscow: Nauka. pp. 169–183.

33. Toporov, V.N. (1980) Model' mira (mifopoeticheskaya) [World model (mythopoetic)]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sov. entsiklopediya. pp. 161–166.

34. Toporov, V.N. (2006) *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies in etymology and semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 166–197.

35. Pavlešin, A. (ed.) (2007) *Mali rječnik lemківskog govora ukrajinskog jezika* [Concise dictionary of Lemko dialect of Ukrainian language]. Zagreb: Društvo za ukrajinsku kulturu.

Соколова Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Tatyana S. Sokolova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

Старикова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Galina N. Starikova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: gstarikova@yandex.ru